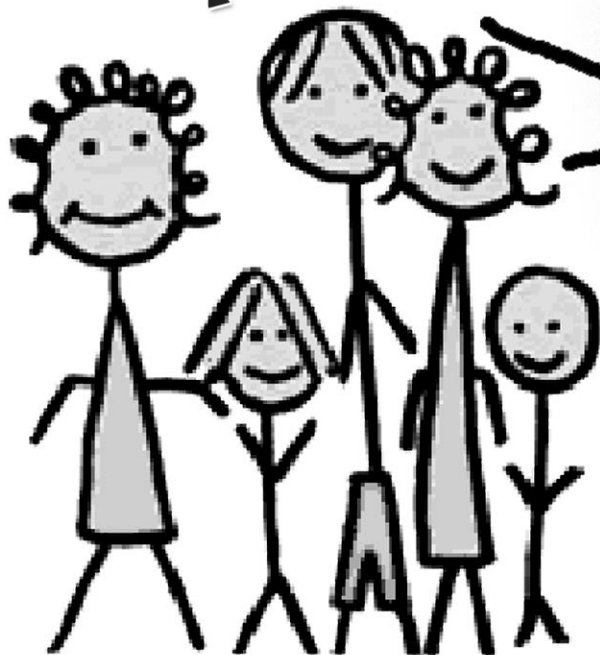

Татьяна
БАННОВА

г. Октябрьск

Сказка для взрослого брата

рассказ

на всю школу! И что? Нет, ты посмотри, посмотри! Красным фломастером цветочки нарисовала. Как красиво, ну похвали её — это Шишкин, Репин! У неё талант! Талант — портить людям жизнь! — еще больше завёлся Андрей, подсовывая матери раскрытую книгу.

— Не кричи, пожалуйста, дети спят. Ты сам виноват, ведь знаешь, что в доме малыши, или закрывай комнату, или клади все вещи куда они не дотянутся. На шкаф или на полку. Ну не переживай, — мама примирительно улыбнулась, — хочешь, я сама зайду в школу и поговорю насчет книги?

Никаких сил на ссоры уже не осталось, хотелось только немного побыть в тишине, но разгневанный Андрей не успокаивался:

— Да уж, поговори. Я просто в бешенстве! Я вообще не понимаю... Зачем вы с отцом... Зачем вы это сделали? — наконец выдохнул он, прижимая испорченную книгу к груди.

— А что мы такого сделали? — мама непонимающим взглядом пристально взглянула на него.

— Ты же прекрасно понимаешь что...

Теперь всё стало ясно без слов. Мама печально улыбнулась, покачала головой и ласково сказала:

— Ну перестань, это же маленькие дети. В этом возрасте ты тоже портил вещи. Помнишь, мы с папой только поклеили обои в спальне, а ты...

— Ты сравниваешь меня с ними?! Родного сына с этими... сиротками? — не дал ей договорить Андрей. Его голос неприятно звенел, казалось, возмущению не было предела.

Женщина, сидящая за кухонным столом, устало откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Столько дел она переделала, сколько ещё предстояло сделать... Малыши уже спят, старшие учат уроки. Это были долгожданные минуты отдыха, когда она принадлежала только себе. Но насладиться покоем не удалось. Из коридора донесся вопль негодования, и в кухню влетел старший сын. В руках у него была толстая книга, и он стал трясти ею перед носом у матери:

— Кто ей разрешил входить в мою комнату? Нет, ты скажи, кто ей разрешил?

— Успокойся, Андрей, что случилось? — устало вздохнув, спросила мама.

— Что случилось? Посмотри! Нет, ты посмотри, что она наделала! Я же просил её не появляться у моего стола в радиусе пяти метров! Меня же библиотекаря убьет. Она только на одну ночь мне выдала книгу — два экземпляра

Тут в кухню театрально всплыла Марина. Она появилась, словно новое действующее лицо в спектакле, демонстративно подошла к мойке, взяла двумя пальцами чистый стакан, налила из-под крана холодной воды, вышла с ним на середину кухни и разжала пальцы. Выплеснув воду, стакан жалобно звякнул, но не разбился.

— Ой, уронила! — Марина наигранно прикрыла ладошкой рот, а потом все так же, работая на публику, осторожно обошла лужу, взяла со стола яблоко и стала его вертеть в ладонях. — Ты же не будешь меня ругать, правда, мамочка? — Марина изобразила на лице подобие растерянности. — Ты же самая добрая мама на свете! Андрюша, ты чем-то недоволен? — Марина старательно пыталась пародировать мамин спокойный голос. — Неужели наши малыши и тебя достали? Не может быть, ты же такой спокойный мальчик!

Андрей вконец психанул и рванул к двери:

— Мама, ну скажи ей! Вы что, решили меня dokonать? Все, я уйду к Мишке. Это единственный нормальный человек на земле! — Андрей взлетел по лестнице на второй этаж дома и со всей дури хлопнул дверью своей комнаты. Мама вздрогнула и сказала, неизвестно кому обращаясь, будто бы в пустоту:

— Тише, детей разбудишь... — и, опустившись на стул, заплакала, прикрывая лицо руками. Марина подошла к ней и обняла за шею, нашептывала, будто уговаривая:

— Мамочка, ну не плачь, не плачь. Просто признай, что это... ошибка. Ведь еще не поздно... Вы с папой оформили опеку, но ведь они ещё не усыновлены!

Мама подняла на нее лицо в слезах:

— Мариночка, что ты говоришь, ну ты сама понимаешь, что ты говоришь? Ты предлагаешь вернуть их обратно? Спасибо, мы наигрались?!

Марина с досадой отошла к окну. В кухне повисла пауза. Помедлив, Марина начала, четко чеканя слова:

— Ну что нам теперь, всем из дому уходить? Я целый месяц сдерживалась, могу я хотя бы высказать свое мнение? Сначала они были тише воды, ниже травы, теперь освоились, носятся по дому, хватают мои вещи без спросу. Кисель пролили на ковер. А как уроки делать? А музыка? Ты забыла — у меня конкурс через неделю!

— Боже мой, боже мой, — мама снова закрыла лицо руками, — кого я вырастила? Есть в вас

хоть что-то человеческое? «Я, я, я, мне, мне, мне!» Почему вы такие эгоисты? Ведь прекрасно знаете, что малыши недавно потеряли родителей. Такие маленькие — и уже с такой страшной судьбой!

— Мам, но пятеро детей — это нонсенс! Трое своих и двое приемных! Вы что, с папой получили наследство? Андрей школу заканчивает, ему поступать надо. Мне новая скрипка нужна, ты же знаешь, какие это деньги. Родили гения — так покупайте нормальную скрипку, я же не буду всю жизнь играть на этом полене, — деловито втолковывала маме Марина, расхаживая по кухне.

— Да будет тебе скрипка, мы же с отцом обещали! — с надрывом выкрикнула мама, утирая мокрое от слез лицо.

— А Светка? Она же нянчится с ними, как мама. И кормит, и купает, и гуляет, а ведь она сама ещё ребёнок! Отец сутками на работе, ты вечерами работаешь и ничего не замечаешь. Или для тебя страшная тайна, что она здорово скатилась в школе? Какая там отличница — у неё почти все четверки, да и то по доброй памяти! Ладно, пойду заниматься, пока наши ангелочки спят, — и Марина, прихватив вазу с яблоками, удалилась. Никто — ни Марина, ни мама — не заметил, что за самой кухонной дверью на корточках притаился маленький Костик.

В ванной пахло арбузной пенкой. Света купала Ксюшу, приговаривая:

— Моем-моем трубочиста чисто-чисто, чисто-чисто! Смотри, какие веселые пузырьки! Ну-ка давайте нашей Ксюше вымоем шейку. Вот умница, а теперь ручки...

Ксюша довольно смеялась, подставляя для намыливания то ладошку, то пяточку. Вместе с ней в ванной плавали резиновая уточка с утятами. На полу разлилось огромное озеро. Ксюша любила поплескаться и пошалить.

— Как же хорошо всё-таки, что у нас свой дом, — сказала Света, подвигая ногой к луже половую тряпку, — иначе бы мы давно затопили соседей. Ну а теперь мы будем мыть голову!

Это известие привело в ужас Ксюшу, которая, как и все дети, боялась, что противный шампунь попадет в глазки и будет щипать. Она завизжала и попыталась выбраться из ванной.

— Что ты с ней делаешь? — сквозь шум воды в ванной раздался голосок Кости.

— Ой, Костик, как ты меня напугал! — при-

держивая руками девочку, Света подняла на мальчугана глаза.— Ты забыл, я тебе говорила — надо стучаться, прежде чем войти. Представляешь, эта шалунья опять не дает вымыть голову. Прямо и не знаю, что с ней делать. Никак не уговорю. Может, ты поможешь?

— Вы нас отдадите обратно? — только сейчас Света заметила, что Костика всего трясет.

— Да ты что, малыш! Глупости какие! — попыталась успокоить его Света.

— Я не малыш! Если хотите отдавать, отдавайте сразу, пока Ксюша к вам не привыкла. Она не кукла! Пойдем, Ксюша! — Костик наклонился к сестре и попытался вытащить её из ванной. Та не поняла, в чем дело, и громко заревела.

— Что ты делаешь? Зачем её пугаешь?

— Я все слышал! Все думали, что я сплю, а я не спал. Ксюша спит после обеда, а я нет. Я не маленький! Я все-всё слышал! — прокричал мальчик, глядя в упор на Свету.

— Да что ты слышал? Ничего не понимаю! — начала терять терпение она.

— Мы вам не нужны, вы хотите отдать нас обратно. И ладно, и пусть — вы нам тоже не нужны! У нас есть старший брат. Просто он живет далеко и пока не приехал за нами. Вот он придет и заберет нас к себе, — у Костика дрожали губы. Вдруг он сильно побледнел и стал хватать ртом воздух.

Света выскочила из ванной:

— Мама, скорее, Костик плохо!

На крик прибежали все, мама схватила Костика и унесла его в комнату. Марина и Андрей кинулись звонить в «скорую». А Света трясушимися руками стала вытирать и одевать Ксюшу, которая ничего не поняла и уже спокойно играла с уточками, выливая из дырочек воду на сухую одежду.

Костика уложили в кровать, накрыли теплым одеялом, дали сладкого чаю. Скорая уже уехала — врач велел избегать стрессовых ситуаций и уделять ребенку больше внимания.

Ксюшу тоже уложили пораньше за компанию. Она после купания почти сразу же уснула, обняв плюшевого медведя. В комнате приглушили свет.

Тихонько, как мышка, в комнату вошла Света. Увидев, что Костик не спит, она подошла и подоткнула ему одеяло.

— Ты чего не спишь? — шепотом спросила она.

— Не хочу, — так же шепотом ответил Костик.

— Может, почитать тебе сказку?

— Да, почитай, — он запнулся, — мама всегда нам читала на ночь. Моя любимая книжка была «Сказки про зайку Петю», у тебя есть такая? — Костик посмотрел на неё с надеждой.

— Нет, — растерялась Света. — Но я поищу. В библиотеке поищу, в Интернете — там все-все есть. А потом мы с тобой сходим в книжный магазин и просмотрим все полки. И даже если не найдем — ты мне их расскажешь. Ты ведь их помнишь? Я запишу — и у нас будет свой секретик. Хочешь? А пока эти сказки читаем, смотри, какие картинки! — показала она мальчику красочно разрисованный разворот.

Костик кивнул, и Света голосом, каким, наверно, рассказывала сказки сама Арина Родионова, начала:

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

На цыпочках, чтобы не разбудить детей, Света вышла из детской и спустилась в кухню. Мама чистила картошку на ужин. Марина закрылась в своей комнате. Андрей ушел на каток.

— Мам, Костик говорит, у них брат есть старший.

Мама отложила недочищенную картофелину, встала и зачем-то взяла с полки сахарницу. Поддержала её в руках, поставила на место и стала передвигать баночки с крупами и приправами, не поворачиваясь к дочери.

— Мам, ты чего?

— Нет у них никого, — она по-прежнему не глядела на Свету. — Есть какие-то дальние родственники, но они отказались их брать к себе. Сказали, сами живут тяжело.

— А как же брат? — Света подошла к столу, машинально взяла нож и стала чистить картошку.

— Дети в таком возрасте часто фантазируют. Марина говорила, что ты стала плохо учиться из-за детей. Почему ты мне не сказала? Я бы оставила работу, выкрутились бы как-нибудь, — мама вытерла руки о фартук и села рядом с дочерью. — Да оставь ты в покое картофель, кто ужинать-то будет? Дети спят, Андрей сказал, перекусит в городе, Марину ещё часа два не изволь беспокоить. А мы с тобой чайку попьем с печеньем и поговорим, да? — мама

встала, зажгла конфорку и поставила чайник на плиту.

— Мам, ну что ты со мной как с тяжелобольной! Я же все понимаю. Кому нужны мои пятёрки? Почему нужно быть всегда первой? Я не гений, как Маринка, а до ЕГЭ мне ещё далеко — подтянусь.

Мама пролила заварку на стол и снова отвернулась в поисках тряпки. Света стала водить пальцем по образовавшейся темно-коричневой лужице.

— Костик сказал, что вы хотите их обратно отдать. Это правда?

Мама застыла с тряпкой в руке, потом кинула её обратно в мойку и устало опустилась на стул:

— Не знаю... Я просто не знаю, что делать. Я, может быть, впервые в жизни растерялась. Отец не против усыновления, но и не очень «за». Он целыми днями работает, а теперь оказывается, что плохо всем — и тебе, и Маринке с Андреем, и малышам. Я уже готова сдать ся, чтобы в доме царили мир и покой.

— А разве так можно? Ксюша к нам так привязалась. А Костик? Я думала, он задохнется там, в ванной. Что же тогда с ним будет в детдоме?

Наверху заплакала Ксюша. Обе кинулись вверх по лестнице. У кровати стоял Костик. Вид у него был очень сосредоточенный — он пытался, путаясь в рукавах, напялить на сестру платье, а Ксюша, ничего не понимая со сна, плакала и отбивалась. Посреди комнаты стояла большая дорожная сумка Андрея. Из бокового кармана торчало розовое ухо зайца. Костик собирал вещи.

— Что ты делаешь, Костик? — с волнением в голосе спросила Света.

— Мы уезжаем. На поезде, — насупился он, не поднимая глаз.

— Перестань. Успокойся. Зачем ты разбудил сестру? — мама подошла к нему и попыталась обнять. — Ну куда вы собрались?

— К брату. Я знаю дорогу — я ездил!

— Ну ты же умный мальчик, понимаешь, что одних вас не пустят в поезд. И даже билет не продадут. Давай посадим игрушки на место, ладно? — ласково увещевала его мама.

Света взяла на руки Ксюшу:

— Что это за слезки? Почему носик такой сопливый? Ну-ка давай его вытрем, вот так... И глаз-

ки тоже, и пойдём на кухню — там для Ксюши осталась в вазочке большая конфета. — Света кивнула маме и увела девочку из комнаты, продолжая приговаривать:

— И зайке чаю нальём, и мишке. Пойдём-пойдём скорее...

Мама с Костиком остались одни в комнате.

— Костик... Никто не отдаст вас обратно. Я обещаю, — она заглянула ему в глаза.

— Я её старший брат. Я смогу о ней позаботиться! — твердо, по-мужски ответил Костик.

— Конечно, сможешь. Нисколько не сомневаюсь. Но, может, мы попробуем начать все сначала? Сейчас всем трудно, нужно немного потерпеть, совсем чуть-чуть... Давай я помогу тебе разбирать вещи...

Костик искоса посмотрел на маму, словно решая, можно ли ей поверить, чуть потоптался, а потом молча подошел к сумке, вынул зайца и посадил его на полку.

Андрей уже уходил с катка, когда к нему подъехала Катя. Они учились вместе с первого класса. Катя считалась самой красивой девочкой в школе.

— Привет! Ты сегодня один? А где твои малыши? — Катя кокетливо поправила модную шапочку с меховой опушкой и покружилась на одном месте, давая возможность полюбоваться собой.

— Это не мои малыши, я им не нянька. Отстань! — угрюмо буркнул Андрей, даже не глядя на Катю.

— Да пожалуйста. Мы помочь хотели...

— Оксана тоже здесь? — Андрей изо всех сил старался казаться равнодушным, но что-то в его голосе не понравилось Кате.

— Здесь! — тон был язвительный. — Ей ты ведь не скажешь: «Отстань!» К ней нежные чувства!

— Каток большой, катайся подальше от меня, ладно? — Андрей попытался замять тему.

— Подальше? Разве ты не идешь домой? Помоему, ты уже коньки снял. Ой, извини, не догадалась — у тебя планы изменились... — ехидно почти пропела Катя. — Хочешь, я ей скажу? Мы ведь лучшие подруги! Она, бедняжка, не замечает твоих страданий... Оксана, Оксана!

— Замолчи, идиотка! — отрезал, густо покраснев, Андрей. — Тебе-то что от меня нужно? Дай пройду. Чего встала на дороге? — он оттолкнул

оторопевшую одноклассницу и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Если бы он обернулся, то увидел, как плачет самая красивая девочка в школе, уткнувшись лицом в смешные пушистые варежки.

Марина безучастно смотрела в окно и слушала, как в соседнем классе играют гаммы. Она не вынула скрипку из футляра. Она даже не оглянулась, когда в класс вошла ее педагог Светлана Романовна.

— Марина, ты давно пришла? Мы скоро играем. Почему до сих пор не переделась? Ты разыгралась? — озабоченно спросила она, чувствуя, что что-то не так.

— Нет.

— Что значит «нет»? Тебе на сцену через десять минут! — Светлана Романовна не на шутку разволновалась.

— Не хочу.

— Что за детский сад! Я что, уговаривать тебя буду? Ты прекрасно знаешь, что я сижу в юри. Вышла на две минуты, чтоб настроить тебя. Что за истерика?

Марина молча взяла сотовый телефон и в сотый раз набрала мамин номер. Приятный женский голос в сотый раз сообщил, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В сердцах девочка швырнула телефон на пол и закрыла лицо руками.

— Марина, ты можешь успокоиться? Что ты делаешь? Ты слышишь меня? Марина! — погладила ее по плечу Светлана Романовна.

— Никогда, никогда ей этого не прошу! — навзрыд вырвалось у Марины.

— Что ты всхлипываешь, ничего понять не могу! Вот платок, вытри нос. И ещё раз скажи то же самое, но вразумительно.

Марина громко всхлинула, высморкалась и призналась, пряча от Светланы Романовны глаза:

— Мама не пришла! Она с шести лет не пропускала ни одного моего выступления. Не пришла...

— Милая моя, ты уже восемь лет на сцене, — успокаивала ученицу Светлана Романовна, стараясь приободрить, — и так распуститься перед выступлением! Мы готовились полгода. Возьми себя в руки — сейчас в мире ничего не существует, кроме твоей программы. Только музыка! Выдай все, на что ты способна. Если тебе свой труд не жалко, мой пожалей! Пойди

в туалет, умойся. И настраивайся — в последнее время ты играешь очень агрессивно. Все время приходится напоминать, что в руках у тебя скрипка, а не бензопила.

— Да это все дети виноваты! — резко ответила Марина, сжимая в ладони носовой платок.

— Какие дети? — не поняла Светлана Романовна.

— Мама решила взять опеку над маленькими детьми, — слезы снова хлынули из Мариных глаз. — Дома все кувырком... Игрушки, визг, крики, плач по ночам. А я должна думать о высоком? Музыка, искусство — кому это вообще нужно? Крейслеру и не снилась такая обстановочка в доме. И мама то кашку варит, то сказки читает. Родных детей будто не существует! Все, вырастила — живите как хотите! — с болью сказала девочка.

— Послушай, Марина, — непривычно ласково начала Светлана Романовна. — Я знаю тебя с детского сада. Мне кажется, ты... просто ревнуешь. Сколько лет детям?

— Девочке три, а мальчишке шесть. В школу осенью пойдет. Надеюсь, не от нас.

— Какая ты, оказывается... — в голосе Светланы Романовны появились нотки разочарования.

— Какая? Мне так сейчас нужна мамина поддержка. Где вот она? — Марина поджала губы.

Светлана Романовна покачала головой:

— Твои родители — просто герои. Как бы напыщенно это ни звучало. В такое время воспитывать пятерых детей!

— Герои, как же! Родные дети брошены. Ещё и нянек хочет из нас сделать. А кто из них вырастет? В детдоме все — или дети алкашей, или ненормальные! Это дело известное.

— Так. Похоже, что до перерыва я не вернусь в зал, — Светлана Романовна взглянула на циферблат наручных часов. — Ну что ж... Хотя перед выходом на сцену не ведут такие разговоры, но иного выхода у меня нет. Присядь, пожалуйста. Садись, садись... — Светлана Романовна чуть помедлила, будто настраиваясь, и сказала: — Не знаю даже, как начать. Я ведь не похожа на пьяницу или ненормальную? Нет? А ведь меня тоже удочерили. А почему ты думаешь, что все дети там такие? Меня вырастила моя двоюродная тетя, родителей своих я даже не помню. Всю жизнь она для меня — единственная дорогая мама. И всему, что я в жизни достигла, я обязана

только ей. Не знаю, что бы со мной было, если бы она тогда не забрала меня из детдома. Она там работала. Она и сейчас там работает, хотя давно уже на пенсии, — не может бросить детей.

В кабинете повисло молчание.

— Простите, я не знала... — смущенно опустила глаза Марина.

— Ты должна помогать маме, а не думать о том, как тебя обидели. Ведь у вас огромный дом, у тебя своя комната. Ты всегда можешь уйти туда, если станет невмоготу. А заниматься можешь здесь, если хочешь, я договорюсь с вахтером. Я понимаю, все так просто только в кино — сначала тебя раздражают детки, а потом вы — лучшие друзья. Но ты попробуй себя сдержать. Ты же добрая девочка... — душевно, с теплом разговаривала с Мариной Светлана Романовна.

Девочка виновато опустила глаза.

— Да я даже не знаю, как к ним подступиться! Светка — просто маленькая мама. Откуда она все знает? Я просто не умею сюсюкать, сказки читать или там... на горшок сажать, — нерешительно оправдывалась Марина.

Светлана Романовна светло улыбнулась:

— Начни с малого — купи им мороженое или игрушку. Есть у тебя деньги?

— Деньги есть, но это больше похоже на подкуп...

— Глупости какие! Купи — вот увидишь, как они обрадуются. Хочешь, я приду к вам в выходные? Мы вместе сходим в парк, покатаемся на каруселях. Я сто лет не каталась на каруселях! Ну все? Ты успокоилась? Сейчас я ухожу, а ты через пять минут подходи к залу. И играй так, как никогда не играла! Договорились? — Светлана Романовна ободряюще кивнула Марине и вышла.

С раскрасневшимися щеками, счастливая и запыхавшаяся, Марина бежала домой от автобусной остановки! Она победила! Она — лауреат! Осенью поедет на конкурс в Австрию!

Девочка позвонила в дверь. Никто не открыл... Марина удивилась и стала искать свой ключ. Она им пользовалась очень редко — всегда кто-нибудь был дома и открывал ей. Внутри было очень тихо. Так тихо просто не могло быть...

Заслышав какое-то движение из комнаты брата, Марина кинулась вверх. Андрей лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— Андрей, что случилось? Где все? И почему мамин телефон выключен? А ты чего лежишь — даже дверь мне не открыл! Разве так встречают победителя?

— Ксюша в больнице. На «скорой» увезли, — убитым голосом ответил Андрей.

— Как? — от неожиданности Марина села на диван, совершенно забыв все, что хотела сказать. — Что с ней?

— Аппендицит. Мама поехала с врачами.

— А остальные где?

— Светка повела Костика в зоопарк. Ему сказали, что у Ксюши просто животик болит. Но ты же знаешь Костика, его не обманешь. Он кричал, плакал, бежал за машиной. Меня до сих пор трясет... — на Андрее лица не было от переживаний.

Марина встала, прошлась по комнате, снова села на диван:

— Но все же будет хорошо, правда?

— Не знаю. Доктор сказал, что много времени потеряли. Это я во всем виноват. Она мне вчера на животик жаловалась. Я к контрольной готовился, а она пришла, хнычет... Ну, я её отругал и велел идти спать. Если бы я знал! Надо было маме позвонить или хотя бы Светке сказать, а я надел наушники, чтоб она мне не мешала! — корил себя брат.

— Что же теперь будет?

— Мама даже говорить со мной не стала. Она думает, я это специально. Но я ведь не сделал бы Ксюше ничего плохого! Ты же знаешь! Да, она меня раздражала, но чтоб такое!..

— Ты не один виноват. Я тоже вела себя как последняя... не знаю даже кто, — попыталась немного утешить его сестра.

— Ты не понимаешь, я должен был вызвать врача! Я самый старший, а на меня ни в чем нельзя положиться. Если с ней что-то случится, если она... Я всю жизнь буду мучиться!

Внизу хлопнула входная дверь, Марина выскокинула в коридор. Это вернулись Света с Костилом.

— Костик, иди в свою комнату, я сейчас! — сказала Света, глазами показав Марине: молчи! Как только за ним закрылась дверь, она кинулась к телефону.

— Бесполезно! — сказала Марина. — Я сто раз пыталась, и Андрей тоже.

— А мама сама не звонила? Что-нибудь известно? — взволнованно прошептала Света, чтобы Костик не слышал.

— Нет, ничего. Ты знаешь, в какую больницу их отвезли?

— Да, — кивнула сестра.

— Собирайся, поедем! — Марина схватила сумку и стала пихать туда все подряд. — Надо им что-нибудь отвезти. Вещи, чай с бутербродами маме. Я знаю, с аппендицитом бульон говяжий хорошо. У нас есть мясо?

— Подожди! Пока Ксюше все равно ничего нельзя. Давай вещи и чай маме отвезем. Только... как же Костик?

— Андрей с ним посидит. Я его никогда таким не видела — переживает за Ксюшу.

— Мы все за неё боимся! Костик, это ты там прятаться? Ну-ка выходи! Идем к нам!

Мальчик понуро вышел из-за двери.

— Я поеду с вами! — сказал он, не глядя на девочек.

— А я хотела дать тебе очень важное задание. Ты видел, в каком состоянии старший брат?

— Он мне не брат.

— Нет, брат. Большой, сильный и глупый старший брат. И ты не можешь сейчас его бросить. Ну, Костик, я тебя прошу, — Света села на корточки и заглянула мальчику в глаза, — я очень за него боюсь, как бы он не натворил бед. А мы только отвезем вещи и сразу назад — с новостями!

Костик молча вышел из комнаты.

— Куда это он? — Светка вопросительно взглянула на сестру.

— Не знаю, сейчас посмотрю.

Но Костик уже оказался на лестнице, в руках у него был плюшевый медведь и целлофановый пакетик с шоколадными конфетами.

— Вот, это её любимый миша, а здесь конфеты — я копил целый месяц! Скажите, я очень её жду.

Марина отвернулась, стараясь не разреветься.

Света очень серьезно, как на взрослого, посмотрела на мальчика и заверила:

— Конечно, Костик, я все передам.

Андрей лежал на кровати, уставившись в одну точку на потолке. Костик вошел к нему в комнату и остановился в нерешительности. В руках у него была большая книга с картинками.

— Ты не спишь? Можно я посижу с тобой? — робко спросил он.

Андрей молча подвинулся, и Костик присел на самый краешек кровати.

— С Ксюшей будет все хорошо, ведь правда? — этот вопрос прозвучал скорее как утверждение.

Андрей молчал.

— Тебе грустно, что её нет? Да? Мне тоже грустно. Хочешь, я тебе прочитаю? — Костик раскрыл книжку. — Правда, у меня не очень хорошо получается. А мама хорошо сказки читала. Но это давно было, я ещё маленький был. А когда Ксюша вернется, я ей тоже прочитаю. Перед сном. Чтобы снились добрые сны. А тебе снятся сны?

Вместо ответа Андрей уткнулся в плечо маленького брата и заплакал.

□

Татьяна БАННОВА

окончила Уральскую государственную консерваторию. Пианистка.

Пишет рассказы, эссе.

Публиковалась в сборниках «Пиастры», «Мой Эльдар Рязанов».

Победитель украинского литературного конкурса

«Золотая Мантикора».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012» в номинации «Проза».

Живет в Октябрьске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

